

Большое гнездо Всеволода Павлова

Анатолий ФИЛАТОВ

Когда без малого тридцать лет назад у Ильи Обыденного, возле Остоженки, состоялось отпевание профессора МГУ Всеволода Владимировича Павлова, я, пожалуй, не столь остро, как в настоящее время, сознавал, что уходит — говорят в таких случаях — если и не «целая эпоха», то какая-то весьма органичная её частица. Уже само отпевание в пору застойной геронтократии брежневских времён — стоял февраль 1972 года — было отчасти скрытым вызовом общепринятому официозу. Таким образом, состоялась сначала панихида церковная, а потом уже — гражданское прощание в Государственном музее изобразительных искусств. (ГМИИ), где Всеволод Павлов около сорока лет заведовал отделом Древнего Востока.

Я знал Всеволода Владимировича и его жену, тоже профессора, Екатерину Алексеевну Некрасову, крупного российского искусствоведа, потому что дружил ещё по университету с их детьми, время от времени бывал у них дома. И вот теперь — увы, слишком поздно — прихожу к печальной, хотя и не оригинальной мысли о многом упущенном: ведь Всеволод Владимирович был человеком на редкость открытым, весёлым... и даже азартным. Рассказывать умел не хуже Ираклия Андроникова — здесь-то бы и порасспросить его, уловить, что называется, момент. А получался всё какой-то вялый «самотёк» впечатлений — неужто и в самом деле так неисправимо «ленивы мы и нелюбопытны»? «Самотёк» этот происходил, скорее, по инициативе самого Всеволода Владимировича, обладавшего счастливым даром подмечать забавные моменты жизни и со вкусом рассказать о них при случае.

Старый охотник и знаток певчих российских птиц, он, в привычном окружении клеток со своими пернатыми любимцами, вдруг стал однажды вспоминать:

— Телеграфирую как-то из Задонска — мы проводили там отпуск всем семейством — своему приятелю в Москву: «Высылай срочно два стакана яйца». Казалось, кому бы до всего этого какое дело, то есть до моих забот? Ан нет, спустя непродолжительное время являются в дом, где мы жили, по мою душу двое характерного вида посетителей в штатском и начинают с серьёзнейшим видом выяснять, я ли посылал сию цидулю, да кому именно, и что вообще значит, согласитесь, крайне загадочная шифровка о «двух стаканах яйца». Разобрались, посмеялись, конечно, от души, а если вдуматься — до шуток ли, когда исследуют тебя на просвет, подозревая уже заранее чёрную крамолу. А моим-то птичкам всего лишь навсего потребовались для рациона муравьиные яйца...

Да уж, видимо, не зря ещё Козьма Прутков говаривал: «Бди!» Чего-чего, а бдительность и в самом деле не одно десятилетие въедалась в наше сознание, словно следы несмываемой окалины на руках бывшего кузнеца. Вроде бы царили вокруг, сплошь да рядом, многозначительные фигуры умолчания, а всем всё понятно было и без слов. Да и то сказать, попробовал бы признаться уроженец павловской вотчины Бурын, что возле Путивля, где некогда плакала на городской стене по князе Игоре его Ярославна, посмел хотя бы намекнуть, что и он, Водя (домашнее имя Павлова), и сам принадлежит дому князей Вадбольских, ведущих начало от обширного рода-племени Всеволода III, Большое Гнездо, то есть сына основателя Москвы (любопытных отсылаю к первому тому «Истории...») С.М. Соловьёва — родословная таблица №1).

Эрудит и замечательный педагог (в МГУ это была целая когорта — Н.К. Гудзий, С.И. Радциг, С.М. Бонди, В.И. Чичеров), В.В. Павлов о многом не успел рассказать нам и, в частности, о том, что он — выпускник не только МГУ, но и классической московской гимназии Поливанова, где учились Валерий Брюсов, Сухотины, Соловьёвы, Бакунины, Голицыны, Бутурлины, сыновья Льва Толстого (Лев, Михаил, Андрей), Борис Бугаев — будущий поэт-символист Андрей Белый). Он написал яркие страницы о гимназии и её основателе Льве Ивановиче Поливанове. Учиться у Поливанова считалось престижным,

но, замечу, далеко не всякому по карману: по свидетельству Белого, «относительно высокая плата, 200 рублей».

— Никогда, — пишет Андрей Белый, — не забуду томление ожидания, когда представительный швейцар Василий провёл нас по лестнице, обрамлённой белыми колоннами, и потом, огибая её, мимо зала, гудящего мальчишками, провёл в директорский кабинет, соединённый с квартирой Льва Ивановича... Вдруг дверь сорвалась как бы с петель, из двери влетел Поливанов, казалось, огромным прыжком оказавшийся в центре комнаты...

Гуманист по призванию, учитель Божьей милостью, «он, — по свидетельству другого современника, — не надевал на себя, так сказать, особого нравственно-воспитательного костюма, когда действовал среди воспитанников, не становился на педагогические ходули, не принуждал себя к каким-либо особым педагогическим манерам, он был в классе и в пансионе таким же, как у себя в кабинете, и его отношения к воспитанникам были чрезвычайно похожи на его отношения к собственным его детям. Это была натура дельная во всём и везде... Он был педагог-художник и педагог-мыслитель. Он нашёл в себе идеал педагога-человека, живого, увлекающегося, не ставящего узких рамок своей деятельности».

Ко времени поступления Всеволода Павлова в гимназию её бессменного свыше тридцати лет директора Поливанова, «неистового Льва», уже не было в живых, но во многом успешно продолжались заложенные им традиции лучшей в дореволюционной России частной гимназии. Здесь, следуя заветам своего основателя, всегда гордились культурными устремлениями своих питомцев. Вот почему вышли из её стен крупные личности в российской культуре — ученые, актеры МХАТа и Малого театра, писатели, общественно-политические деятели. Как говорится, «несть им числа», и маститый египтолог Всеволод Павлов — из этого же легиона. К месту, о египтологии: на мой взгляд, есть какой-то почти противоестественный феномен в том, что едва ли не до шестидесяти лет В.В. Павлов так ни разу всерьёз и не увидел любимого им Египта «живьём»: лишь в ноябре 1957 года побывал там, сначала в качестве туриста, да пять месяцев спустя — в составе делегации деятелей советской культуры. Можно смело предположить, что не меньшей, если не самой большой человеческой потерей в этом плане стало то, что Павлов уже не смог встретиться в Каире с кумиром своей исследовательской жизни — имеется в виду Василий Семёнович Голенищев. Дело в том, что коллекция египетских и античных подлинников Голенищева — свыше шести тысяч единиц, — хранящаяся в ГМИИ, и стала на всю жизнь для В.В. Павлова «его Египтом», разумеется, не считая собрания Эрмитажа.

Князь Василий Голенищев, этот легендарный в Египте русский человек, крупнейший филолог, историк древнеегипетской религии, искусства и литературы, скончался в 1947 году на девяносто втором году жизни. Египетские учёные по праву считают его основателем египтологии в их стране. К тому времени имя самого Павлова уже было хорошо известно специалистам — именно ему принадлежит честь досконально раскрыть не только историко-культурное значение гигантской коллекции В.С.Голенищева, хранящейся в Москве, но и провести её капитальный сравнительный анализ с тем, что находится в других музеях мира, включая египетские. Разумеется, Павлов не терял времени в ОАР, навёрстывая упущенное: встречи с коллегами, знакомство с сокровищами музеев и памятниками эпохи фараонов — он упивался любимым делом.

Однако размышляем мы здесь не только и не столько о египтологе Павлове — личность его значительно шире, и это является лучшим подтверждением того, о чём уже сказано: бывшие гимназисты-«поливановцы», как правило, отличались в жизни завидной широтой своих культурных устремлений. Не стал исключением и Всеволод Павлов. Он был одарён артистически, хорошо знал поэзию серебряного века, в молодости брал уроки музыки у знаменитого скрипача Сибора и сам неплохо владел этим инструментом — видимо, унаследовал способности отца своего, камер-юнкера двора Его Императорского Величества Владимира Павлова, который в эмиграции был дирижёром оркестра в Константинополе. Египтолог Павлов мог со знанием дела размышлять о Рахманинове, Скрябине, об игре пианиста Игумнова, обладал несомненным писательским даром — его рассказы о летних

охотах на бекаса и дупелей с подружейной собакой написаны с подлинным блеском. Наконец, что не удивительно, Павлов «хорошо видел», и это отразилось в его непреходящем увлечении фотографией, свидетельство тому — состоявшаяся персональная выставка в московском Доме учёных.

Отрадным воспоминанием души остались — назовём их так — «спонтанные импровизации» Всеволода Владимировича, когда он брал нас, молодых, в свою легковую машину, и мы мчались в верховья Москвы-реки, чтобы увидеть свежереотреставрированные храмы где-нибудь в Троице-Лыкове или Уборах — там некогда боярин Пётр Шереметев нещадно тиранил крепостного «Якушку» (Якова Бухвостова), пока тот — более трёхсот лет назад — не соорудил свой шедевр барочного зодчества, и поныне как бы царящий над всей округой.

Не могу не вспомнить ещё и о том, с каким воодушевлением Всеволод Владимирович рассказывал о глиптике — резьбе на драгоценных и полудрагоценных камнях. Владелец довольно ценной коллекции резных шедевров, он, бывало, извлекал эти изделия малой ювелирной пластики и на хорошо освещённом столе демонстрировал нам изысканные красоты малоазийских и античных инталий с изображениями богини Афины, пляшущей вакханки, несущихся по водной глади змееконеи — гиппокампов, или льва, терзающего поверженного быка. Особенно восхищала меня римской работы I–IV вв. н.э. бирюзовая камья с изображением царственного профиля молодого патриция. Всеволод Владимирович не считал лишним обратить внимание благодарных слушателей на гармоничное сочетание красоты природного минерала и самой работы неведомого античного мастера.

...Старый «поливановец», что и говорить, многое успел сделать в этой жизни, многим восхититься и передать это чувство восторга ученикам, друзьям, наконец, своему многочисленному потомству «гнезда Всеволодова».